УДК 316.75:82-343:323.28

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-88-96

Татьяна Владимировна Излученко,
Сибирский федеральный университет
(г. Красноярск, Россия),
e-mail: izluchenko@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5644-301X>

Роль мифа в экстремизме: социально-философский анализ

Исследуется миф в качестве идеологической составляющей экстремизма. Цель работы заключается в определении роли и значения мифа для экстремистской деятельности. Экстремизм рассматривается социокультурным и политическим феноменом современной культуры, выражающимся в действиях против основ конституционного строя и общественной безопасности. Миф способствует формированию целостной картины мира, конструированию альтернативной социальной реальности и созданию моделей мышления и поведения, соответствующих целям и задачам экстремистских организаций. Методология исследования основывается на теориях мифа А. Лосева и М. Элиаде, когнитивных особенностей А. Круглански, трактовке девиантности Я. Гилинского и феноменологическом подходе к конструированию реальности П. Бергера и Т. Лукмана. Экстремистское поведение есть форма девиантности, проявляющаяся в совершении действий ненормативного характера, которые представляют угрозу стабильности социуму и активируют механизмы социального контроля. Экстремистское мышление понимается как результат психологического конструирования, возникший на основе неестественного функционирования когнитивной системы. Экстремистские идеологии содержат мифы о будущем идеальном государстве и/или обществе, героях и легендарных личностях, а также эсхатологические представления. Сущностно эти мифы не отличаются от мифов, присущих иным видам деятельности и социокультурным феноменам. Однако они способствуют экстремизму посредством демонстрации приемлемых и неприемлемых норм поведения на примере героизированных лидеров; интерпретации исторических событий и процессов социальной действительности в соответствии с политическими целями организаций; создания и трансляции идеологических ценностей; формирования идентичности и ощущения исключительности.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистские организации, идеология, миф, будущее государство, идеальное общество, девиантность

Tatyana V. Izluchenko,
Siberian Federal University
(Krasnoyarsk, Russia),
e-mail: izluchenko@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5644-301X>

The Role of Myth in Extremism: the Socio-Philosophical Analysis

This study examines myth as an ideological component of extremism. The objective is to define the role and meaning of myths in extremist activities. Extremism is a socio-cultural and political phenomenon of modern culture, expressed in actions against the foundations of the constitutional order and public security. Myths contribute to the formation of a holistic picture of the world, to the construction of an alternative social reality, and the creation of models of thinking and behavior that correspond to the goals and objectives of extremist organizations. The research methodology is based on the theories of myth by A. Losev and M. Eliade, on the phenomenological approach of P. Berger and T. Luckmann to the construction of reality, on the cognitive features proposed by A. Kruglanski, and the interpretation of deviance by J. Gilinsky. Extremist behavior is a form of deviance, expressing in the committing of non-normative actions that threaten the stability of society and activate the mechanisms of social control. Extremist thinking is the result of psychological construction, which arose on the basis of the unnatural functioning of the cognitive system. Extremist ideologies contain myths about the future ideal state and/or society, heroes, and legendary personalities, as well as eschatological myths. Essentially, these myths do not differ from the myths inherent in other types of activity and socio-cultural phenomena. However, they contribute to extremism by demonstrating acceptable and unacceptable norms of behavior as exemplified by some legendary personalities; interpretation of historical events and processes of social reality following the political goals of organizations; creation and transmission of relevant ideas and values; the formation of identity and a sense of exclusivity among extremists.

Keywords: extremism, extremist organizations, ideology, myth, future state, ideal society, deviance

© Излученко Т. В., 2021

Введение. Проблеме экстремизма посвящено большое количество исследований различных направлений. Существуют работы по выявлению причин возникновения (политических, экономических) [1], характеристике особенностей экстремистского поведения (девиантности) [2; 3] и когнитивных искажений, вызванных данной деятельностью [4], а также по её правовому определению [5].

Экстремизм оказывает дестабилизирующий эффект в общественных сферах, последствия которого будут ощущаться на протяжении длительного времени, но, как и любой социокультурный феномен, он подвержен изменениям. В настоящее время актуализируется необходимость оптимизации существующих мер противодействия, учитывающих не только внешние факторы распространения, но и источник, природу экстремизма.

Обоснование и оправдание совершения экстремистских действий в рамках организованной совместной деятельности содержится в идеологии, положения которой разделяются и признаются истинными участниками. Идеология конструирует альтернативную социальную реальность и формирует соответствующее мировоззрение, ориентированное на достижение как организационных, так и личных целей. Значимую роль в этом процессе занимает мифотворчество.

Мифы активно присутствуют в их повседневности, наполняя идеологическим смыслом события и процессы объективной реальности, направляя и обосновывая необходимость соответствия требуемому образу жизни. Цель нашего исследования – определить роль мифов в идеологии экстремистских организаций, их влияние на мышление и поведение участников.

Методология и методы исследования. Экстремизм понимается как социокультурный и политический феномен, проявляющийся в действиях против основ конституционного строя и безопасности государства, а экстремистская организация – объединение людей, результаты совместной деятельности которых могут привести к дестабилизации существующего социально-политического положения.

Сущность и функции мифа исследуются с позиций А. Лосева и М. Элиаде. Характеристика специфических черт экстремизма и выявление мифов осуществляются типологическим анализом. Рассмотрение процесса конструирования альтернативной социальной реальности экстремизмом происходит на основе феноменологического подхода

П. Бергера и Т. Лукмана [6]. Специфика когнитивных состояний и образа мышления экстремистов определяется в рамках когнитивного подхода А. Круглански. Девиантный характер поведения исследуется специальными социологическими приёмами Я. И. Гиллинского [7]. Символика, содержание идеологических текстов и смыслов, включая мифы, интерпретируются в рамках герменевтического подхода.

Результаты исследования и их об- суждение. Обозначим понятие. «экстремизм». Оно выражает: а) мотивацию и побуждения людей, стремящихся изменить существующий социально-политический порядок; б) идеологию, направленную против основ конституционного строя и безопасности государства, на нарушение прав и свобод человека. «Экстремистская деятельность» указывает на организованные действия по реализации данных воззрений и целей [8, с. 66, 69].

«Экстремистские взгляды» – приверженность к системе убеждений, основанных на ненависти или вражде в отношении иных лиц (группы) по какому-либо признаку [9, с. 197]. Люди склонны к проявлениям агрессии при угрозе их ценностям, в частности религиозным, которые усиливаются совместной деятельностью и способствуют интеграции с определёнными организациями, межгрупповой враждебности и дегуманизации идеологических противников [10]. Возможность совершения действий насильственного характера в отношении лиц (группы) по какому-либо признаку подчёркивается понятием «насильственный экстремизм».

При характеристике экстремизма мы выделяем правовую, поведенческую и когнитивную составляющие.

Правовые определения данного феномена в некоторых случаях расходятся, акцентируя внимание на дестабилизирующем факторе, а во многих государствах даже отсутствует юридический термин. В России под экстремистской деятельностью понимаются действия, указанные в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности»¹. Террористические действия можно рассматривать как крайнюю степень реализации экстремистских взглядов, представляющую наибольшую угрозу обществу. В Германии разжигание ненависти или вражды, публичная демонстрация

¹ О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон: [от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ]. – Текст: электронный // Гарант. – URL: <https://base.garant.ru/12127578/> (дата обращения: 19.10.2020).

запрещённой символики, финансирование и пропаганда терроризма выступают основаниями для закрытия или запрета организаций. В ряде штатов США данные действия квалифицируются как преступления на почве ненависти, что выступает отягчающим вину фактором. Для государств Европы и США актуальными являются преступления террористической направленности, вызванные национальной ненавистью или враждой, которые взаимосвязаны с межрелигиозными конфликтами. «Количество актов террористической направленности, совершаемых представителями праворадикального сектора, начиная с 2014 г., неуклонно растёт» [11, с. 130].

В экстремистской деятельности отмечаются признаки девиантного поведения. Девиация есть отклонение от социальных норм, официально установленных или сложившихся в определённом обществе в конкретный исторический период; несоответствие стиля жизни с общественными нормами [7]. Девиантные проявления присущи «всем стадиям, формам и уровням социальной системы (девиантность – перманентное свойство общества)» [12, с. 12]. Однако негативная девиация выражается в дезорганизации и повышении энтропии социальной системы, которая стремится выявить их и минимизировать механизмами социального контроля. В основе девиантного поведения находятся диспозиции, определяющие предрасположенность личности к некому восприятию условий социальной реальности и готовность совершить некие действия [13]. Экстремистское поведение воспринимается определённым обществом на конкретном историческом этапе формой негативной девиации, дисфункциональным отклонением.

Экстремизм можно рассматривать в качестве психологической конструкции, обладающей сходствами с иными экстремальными состояниями. Для экстремистов характерны: а) высокая степень веры (не обязательно религиозной); б) нетерпимость к иным взглядам/позициям и людям, отличающимся от них; в) альтруизм, распространяющийся на представителей только своей группы. Предпосылками выступают поиск и утверждение личной значимости, которые обуславливаются обидами и мировоззрением. Человек переживает состояние относительной депривации, воспринимает сложившееся социально-политическое положение как систему ущемления его (его группы) прав и свобод [14]; состояние утраты психо-

логического, экономического и социального значения. Накопившиеся обиды, ощущение несправедливости в отношении себя (своей группы) вызывают отсутствие безопасности и унижение, что в свою очередь рождает чувство бессмысленности и, как следствие, стремление восстановить значимость и получить уверенность [15]. Происходит освобождение от действующих социальных и психологических ограничений с дальнейшим отказом от альтернатив. Насилие представляется действенным средством, оправданным и обоснованным идеологией и социальным окружением.

Когнитивные свойства сознания приобретают специфические проявления в экстремистской деятельности: радикализация взглядов; полная отдача себя организации и достижению цели; обобщение частных негативных случаев на общую ситуацию в обществе и государстве; убеждённости в истинности, необходимости противозаконной деятельности и её дальнейшее оправдание. Соответствующим образом перенаправляются когнитивные способности. Приобретение знаний позволяет познать и принять идеологические положения. Активация знания – использовать насилие как идеологически допустимое и самое эффективное средство. Избирательное внимание – сосредоточиться на конкретной цели, отказаться от иных позиций. Подавление и торможение – игнорировать стимулы, связанные с альтернативными направлениями (семьёй, физическими потребностями) [4].

Экстремистские организации, используя потребность людей в личной значимости и когнитивные искажения, создают атмосферу сплочённости и справедливого распределения ресурсов, предоставляют варианты личностного роста в рамках сообщества и организуют коммуникационные связи таким образом, что человек перестаёт критически воспринимать объективную социальную реальность. В результате у человека формируется мировоззрение, которое основывается на истинности его (его группы) убеждений и исключительной значимости себя (своей группы), отказе иных взглядов и жертвенности.

Несмотря на многообразие исследовательских позиций относительно экстремизма, идеологическая составляющая остаётся без должного внимания. Экстремизм связан с крайними идеологиями, приверженностью радикальным взглядам (левым, правым) и/или религиозному фундаментализму. Идеологи экстремистских организаций дегума-

низируют образ врага, идентифицируют его с конкретными людьми (группами) и легитимизируют насилие над ними, используя дуалистический принцип, противопоставление: «мы – свои» – «они – чужие – враги». Они направлены на управление: а) поведением (формируют необходимый образ жизни); б) эмоциями (создают специфический стиль мышления); в) познанием (определяют получаемую участниками информацию и предоставляют соответствующую интерпретацию происходящим процессам). Содержание отличается: а) простотой смыслов; б) упрощённым взглядом на социальные и политические события; в) чёткостью формулировок; г) неточностью статистических данных. Мир позиционируется категориями «чёрное – белое», «свои – чужие». Связность и ясность идеологических положений обеспечивается посредством мифотворчества.

Востребованность мифов и их постоянное присутствие в культуре можно объяснить созданием упрощённой, недостоверной, но удобной для освоения сознанием картины событий, основанной на эмоционально насыщенном, легко визуализируемом наборе символов. Помимо этого, мифы привлекательны, т. к. затрагивают важные проблемы и дают понятное объяснение, не требующее рационального доказательства. Устойчивость к критике обеспечивается когнитивной схематизацией мифа, в рамках которой происходит отбор информации, а всё, что не соответствует, отрицается или игнорируется.

Возникновение нового социокультурного феномена в обществе порождает соответствующий миф, устанавливается взаимозависимость, т. к. миф подтверждает значимость явления и задаёт его структуру. Миф выступает способом объяснения действительности в форме повествования, подкреплённого убеждениями, субъективными предпочтениями и рациональными рассуждениями, а также выборочными научными фактами. Люди создают мифы, отвечающие их потребностям и миропредставлениям. Когнитивная система сознания из многообразия представленных политических, культурных, религиозных и иных видов мифов воспринимает только те, которые согласуются с мировоззрением. Позже они корректируются и дополняются новыми элементами – результатами индивидуальных когнитивных искажений.

Феноменологический подход к мифу позволяет рассматривать его как наивысшую по своей конкретности и максимально ин-

тенсивную реальность для мифологического сознания, которое фрагментарно присуще всем людям. Мифотворчество никогда не прекращается в обществе. Мифологическое мышление адаптируется к новым социокультурным условиям, использует реальные личности и происходящие социально-политические и экономические процессы. Миф не содержит ничего случайного, выдуманного, произвольного или фантастического [16, с. 35–37]. В нём присутствуют практичность, аффективность и личностные переживания, а также он включает живых личностей, жизнедеятельность которых представлена эмоциональными средствами. Функционально миф демонстрирует модели поведения для совершения ритуальных и повседневных практик. Воспроизведение мифологических событий направлено на передачу знаний, восстановление «начал» и переход/приобщение к сакральному [17]. Люди продолжают деятельность своих легендарных предков, проявляя себя здесь и сейчас, становясь частью Священной истории.

В настоящее время актуализируется мифотворчество для создания политизированных мифов. Исторические факты, религиозные традиции и социально-культурные нормы трансформируются и получают альтернативную интерпретацию, позиционируемую истинной, а за счёт эмоциональности воспринимаемую подлинной реальностью. Происходит распространение конкретной политической позиции, и легитимизируются те или иные решения руководства. Миф выступает манипуляционным инструментом власти, позволяя управлять общественным мнением и убеждать социум в целесообразности конкретного проекта, аргументируя общественной пользой и получением личной выгоды от его реализации. Этому способствуют следующие свойства мифа: а) амбивалентность – противопоставление масс как потребителей мифа и элит как его создателей; б) автономность – принятие мифа самими элитами [18, с. 45]. Миф, с одной стороны, есть инструмент элиты для успешного продвижения социально-политического проекта, позволяющий «замифологизировать» пространство и вызывающий невозможность объективной оценки, неадекватность выводов. С другой стороны, миф всегда является не только волей элиты, но и ответом на существующие в обществе запросы [19, с. 58].

В мифе создаются и транслируются идеи и ценности, формируются идентичность и ощущение исключительности у его

носителей, программируется их определённое социальное поведение. Миф направляет людей, визуализируя желаемое ими будущее. С одной стороны, он влияет на социум, направляет его посредством: а) демонстрации приемлемых и не приемлемых норм поведения на примере героев и легендарных личностей; б) интерпретации исторических событий в контексте современной социально-политической ситуации; в) объяснения социальной действительности и процессов в ней с учётом целей. С другой стороны, миф является продуктом общественного сознания, которое воспринимает актуальные для себя идеи, трансформирует их и успешно использует. Даже будучи нередко созданным элитами, он постепенно видоизменяется под влиянием социума и всегда становится ответом на конкретные общественные потребности.

Современные социально-политические и экономические процессы у некоторых людей вызывают ощущение ненадёжного жизненного положения (*insecure life attachment*), которое сопровождается переживанием страха и социальной незащищённости, провоцирует экстремальное поведение и применение насилия [20]. Создаваемые культурные нарративы помогают понимать действительность и решать жизненные проблемы. Насильственные действия, вызванные жизненными трудностями, культурными паттернами, психологическими травмами и личными особенностями [21], получают обоснование в мифологической форме и воспринимаются действенными средствами определёнными группами. При условиях осуществления совместной организованной деятельности и действий экстремистской направленности данные объединения могут квалифицироваться как экстремистские организации.

Наличие мифов в идеологии экстремистских организаций, действующих на международном и национальном уровнях, позволяет направлять участников, которые никогда не встречались друг с другом, на достижение единой цели, действовать согласно единой модели поведения и мыслить схожими категориями. Миф выступает средством конструирования воображаемой альтернативной социальной реальности, предоставляет соответствующие методы познания. В основе таких идеологий находится система мифов, которые взаимосвязаны и обоснованы друг другом. Этим обеспечивается целостность мировоззрения в заданных рамках, оправдание и обоснование любых

действий, соблюдение требуемых моделей мышления и поведения участниками.

Экстремизм, как и любое социокультурное и политическое явление современной культуры, содержит различного рода мифы. Они не являются специфическими, обладают той же сущностью что и любые другие мифы. На наш взгляд, их можно разделить на мифы, созданные в рамках самой экстремистской деятельности; мифы, сконструированные обществом об экстремизме и экстремистах. Идеологии экстремистских организаций включают оба вида. Первые – для обоснования своей деятельности, а вторые – демонстрации неприемлемости социумом их позиции, возможности и, в некоторых случаях, необходимости применения насильственных мер в отношении его членов. Подкрепляется допустимость насилия когнитивной радикализацией, основанной на высокой самооценке и стремлении к господству (нарциссизм), хитрости и изобретательности (макиавеллизм), эмоциональной холодности и импульсивности (психопатия) [22].

Несмотря на разнообразие, можно выделить некоторые группы наиболее распространённых мифов в идеологии экстремизма. Первые – о времени. Экстремистские организации действуют для достижения определённой политической цели, используя человеческие особенности (физические, психические и когнитивные) и мотивируя своих участников (руководство и рядовых) посредством мифов о прошлом (как золотом веке, давно забытом под влиянием деспотичного политического режима); настоящем (деятельности зла и возможности начала борьбы с ним); будущем (золотом веке, идеальном социально-политическом положении, которое будет превосходить ранее существующие). Формируются утопические представления о будущем, которое на самом деле никогда не наступит, опирающиеся на образ прошлого, которого на самом деле никогда не было. Миф позволяет участникам поверить, что благодаря их деятельности идеальное справедливое общество может стать реальностью. Религиозные экстремистские организации усиливают данные настроения идеями построения «царства небесного на земле» –рая, в виде утопии – места, где несовершенные люди могут стремиться к совершенству: личному, политическому, экономическому и социальному. Экстремистское сознание по сущности является утопичным [23].

Мифы данной категории взаимосвязаны с мифами о государстве и политической

власти, в которых современные социально-политические устройства представляются ложными и существующими с целью уничтожения, порабощения людей. В обращении террористической организации «Народного ополчения имени К. Минина и Д. Пожарского»¹ отмечается: «Власть стала не только нерусской, она стала антирусской, антинациональной не только по этническому происхождению, но и по своему духу поклонения идола золотого тельца... в России установлен тиранический режим духовного порабощения, национального унижения и социального угнетения»².

Установление нового социально-политического порядка представляется экстремистами естественным результатом исторического развития общества, поэтому он должен быть создан, т. к. это Священная история, а они являются только исполнителями. Будущее государство будет реализовывать не закон людей, а божественную волю, нормы, установленные высшими силами. Согласно идеологии террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»³, человечество проходит следующие основные этапы развития: 1) период пророка Мухаммеда и халифа (прошлое); 2) монархию и деспотичные правления (настоящее); 3) снова халифат (будущее), который получит более совершенную форму, учитывающую все прежние сложности и современные научно-технические достижения. Для этого все участники в различных государствах стремятся получить доступ к политической власти и перейти к созданию халифата.

Вторая группа мифов – о героях и легендарных личностях. Героем, которым может быть как мужчина, так и женщина, является человек, способный преодолеть свои личные и локально-исторические ограничения и перейти к общечеловеческим формам [24, с. 22]. Данные мифы преимущественно содержат следующий сюжет. Человек, живу-

щий обычной жизнью, при определённых условиях (воля священного, невыносимость положения, несправедливость) переходит в область сверхъестественного. Там он сталкивается с мифическими силами, олицетворяющими мировое зло, одерживает победу, преображаясь в качестве спасителя мира, и возвращается. Приобретённые знания и умения он передаёт обществу, члены которого должны уважать их и стараться соответствовать его образу жизни. Позиционируется следующее: любой человек, следуя примерам героев, соблюдая предписанные нормы, будет жить согласно естественному состоянию своего организма, что приведёт его к абсолютному здоровью как физическому, так и психическому. Данная группа мифов развивает представления о здоровье, которое достижимо только при условиях соблюдения определённого образа жизни.

В экстремизме отмечается преимущественное обращение к жизнедеятельности уже умерших легендарных личностей, а не действующих лидеров, т. к. они только повторяют уже указанный путь. Экстремистские организации создают свои перечни: а) легендарных личностей, которые своей деятельностью, включая противоборство государству и смерть, способствовали обществу и процветанию, противостоянию со злом; б) героев, творивших в период Священной истории и зачастую являющихся организаторами данных объединений. Сторонники террористической организации «Исламское движение Узбекистана»⁴ отмечают ключевую роль основателя Тахира Юлдашева (1968–2009), всю свою жизнь, по их мнению, посвятившего достижению праведных целей и явившего пример стойкости и веры. Экстремистская организация «Алтай Дян Ак Дян»⁵ позиционирует своего лидера Василия Чекурашева как борца с навязанным японцами алтайскому народу буддизмом, возвращающего алтайцев к истинной вере.

Третья группа мифов содержит эсхатологические мотивы, которые продолжают идеи создания идеального государства. Будущее понимается результатом деятельности участников по приближению конца света

¹ Решение Московского городского суда № 3-15/2015: [от 18 февраля 2015 г.]. – URL: <http://nac.gov.ru/terroristicheskie-i-ekstremistskie-organizacii-i-materialy.html> (дата обращения: 28.10.2020). – Текст: электронный.

² О создании Народного фронта освобождения России: заявление Народного ополчения им. Минина и Пожарского (НОМП): [от 18 ноября 2010 г.]. – URL: <https://aakanab.blogspot.com/2010/11/blog-post18.html> (дата обращения: 15.10.2020). – Текст: электронный.

³ Решение Верховного Суда Российской Федерации № АКПИ14-1424С: [от 29 декабря 2014 г.] – URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-ot-14-fevralya.html> (дата обращения: 12.10.2020). – Текст: электронный.

⁴ Решение Верховного Суда Российской Федерации № ГКПИ 03-116: [от 14 февраля 2003 г.]. – URL: <https://web.archive.org/web/20160108040711/http://nac.gov.ru/content/3934.html> (дата обращения: 01.11.2020). – Текст: электронный.

⁵ Решение Онгудайского районного суда Республики Алтай: [от 11 декабря 2018 г.]. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 01.11.2020). – Текст: электронный.

и исполнению воли священного. С установлением нового мирового порядка наступит конец истории – золотой век, в котором выживут и будут процветать только сторонники определённой позиции, идеологии. Скорое ожидание конца света, в случае с религиозными экстремистами – наступления Страшного суда, характерно для идеологий экстремистских организаций. Эсхатологические и сотериологические мотивы составляют значительную часть роли и миссии основателей тоталитарных движений [17], тем самым формируя их образ как героев вселенского масштаба. Сотериологический элемент используется с целью продемонстрировать исключительность и превосходство своих участников.

Эсхатологические мифы выступают основополагающими элементами идеологий экстремистских организаций. Они соединяют мифы в целостную картину мира, обосновывают и раскрывают цель деятельности, указывают на получение достойной награды участниками. В них визуализируется будущее идеальное государство и/или общество как новый сотворённый мир, пришедший на смену ложному социально-политическому устройству, а люди, которые будут жить, – абсолютно здоровыми и счастливыми. Согласно учению экстремистской организации «Управленческий центр Свидетелей Иеговы»¹, ожидается конец света, в результате которого наступит «царство» последователей под руководством Иисуса Христа, после произойдёт суд: 144 тысяч попадут на небо, а остальные люди будут жить вечно на обновлённой планете. При этом новое общество не будет знать насилия и различного рода конфликтов.

Заключение. В идеологии экстремизма используются мифы для создания необходимого общественного мнения, измене-

ния восприятия происходящих процессов у участников. Они маскируют политические цели организаций, представляя противоправную деятельность как борьбу с мировым злом и как установление идеального справедливого социально-политического устройства. Разрабатываются социально-политические и экономические, а иногда и религиозные, проекты, которые содержат элементы реальности и основываются на существующих проблемах и возможностях их преодоления, также в них отмечаются «испорченность существующей системы» и ангажированность политических элит. Предлагаемые меры ориентированы на свою целевую аудиторию, отвечают её потребностям и интересам. Мифы становятся средствами убеждения в истинности определённых проектов по созданию альтернативной социальной реальности.

Во многом успешность и востребованность идеологии той или иной экстремистской организации обеспечивается мифами. Чем лучше они дополняют, обосновывают и подтверждают друг друга, чем пластичнее они являются, тем дольше существует и продуктивнее функционирует организация, получая возможность в кратчайшие сроки трансформироваться под изменяющиеся условия. Соответственно, организации, существующие несколько десятилетий, пережившие социально-политические кризисы и распространившие своё влияние на различные территории, обладают развитой системой мифов, способной изменяться при сохранении фундаментальных идеологических (ядро) положений. На наш взгляд, при разработке мер противодействия экстремизму и принятии адекватных управленческих решений необходимо учитывать содержание и функциональное значение существующих в нём мифов.

Список литературы

1. Еремин С. Г., Скориков Д. Г., Тришкина Е. А. Генезис экстремизма и формы проявления экстремистской деятельности // Юрист-правовед. № 1. 2017. С. 218–222.
2. Байсаидова Г. С., Алибекова С. Я. Религиозно-политический экстремизм как форма девиации в конфликтном пространстве // KANT. 2019. № 4. С. 132–135.
3. Ганаева Е. Э. Молодежный экстремизм как тип девиации // Молодой учёный. 2012. № 12. С. 361–363.
4. Kruglanski A., Fernandez J., Factor A., Szumowska E. Cognitive mechanisms in violent extremism // Cognition. 2019. Vol. 188. P. 116–123. DOI: 10.1016/j.cognition.2018.11.008.
5. Андриянов В. Н. Конституционно-правовые основы противодействия экстремизму // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 1. С. 32–42. DOI: 10.17150/2500-4255.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
7. Гилинский Я. И. Глобализация и девиантность // Академический вестник. 2012. № 2. С. 8–13.

¹ Решение Верховного Суда Российской Федерации № АКПИ17-238: [от 20 апреля 2017 г]. – URL: <http://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-sudarf-otnakpi17-238/> (дата обращения: 02.11.2020). – Текст: электронный.

8. Забиров Р. В., Иванчук О. В. Феноменологический анализ понятий «экстремизм», «молодежный экстремизм», «профилактика молодежного экстремизма» // Вестник современных исследований. 2019. № 3. С. 66–70.
9. Сергун Е. П. Правовое обеспечение противодействия экстремистской деятельности в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 2. С. 195–198.
10. Beller J., Kroger C. Religiosity, Religious Fundamentalism, and Perceived Threat as Predictors of Muslim Support For Extremist violence // Psychology of Religion and Spirituality. 2018. Vol. 4, is. 10. P. 345–355. DOI: 10.1037/rel0000138.
11. Михеева С. Н., Скипский Г. А. Феномен праворадикального экстремизма в странах Европы и США и проблемы противодействия ему органов государственной власти на современном этапе // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 3. С. 129–134.
12. Комлев Ю. Ю. Эмпирическое изучение девиантности. На пути от триангуляции статистических, количественных и качественных методов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. № 1. С. 12–22.
13. Ярошевич Е. А. Девиантность и виктимность личности в генезисе и развитии девиантного поведения // Вестник Милітійського державного університету імені А. А. Куляшова. кано́міка, са́цьялогія, права. 2016. № 2. С. 53–59.
14. Kunst J., Obaidi M. Understanding violent extremism in the 21st century: the (re)emerging role of relative deprivation // Current Opinion in Psychology. 2020. Vol. 35. P. 55–59. DOI: 10.1016/j.copsyc.2020.03.010.
15. Van Prooijen J.-W., Kuijper S.M. A Comparison of Extreme Religious and Political Ideologies: Similar Worldviews but Different Grievances. URL: <https://www.researchgate.net/publication> (дата обращения: 24.12.2020). Текст: электронный.
16. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2002. 558 с.
17. Элиаде М. Аспекты мифа: пер. с фр. М.: Академический проект, 2000. 222 с.
18. Белов С. И. Соотношение концептов «политический миф» и «исторический миф» // Вестник Московского государственного университета. Серия 12. Политические науки. 2018. № 3. С. 39–48.
19. Веретевская А. В. Об опасности политического мифа для общественного развития (на примере мифа о мультикультурализме в Европе) // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 52–64.
20. Ozer S. Globalization and radicalization: A cross-national study of local embeddedness and reactions to cultural globalization in regard to violent extremism // International Journal of Intercultural Relations. 2020. Vol. 76. P. 26–36. doi: 10.1016/j.ijintrel.2020.02.007.
21. Hoffman A. Understanding conflict and the role of community development: Is building a peaceful society within our reach? // Aggression and Violent Behavior. 2017. Vol. 37. P. 63–70. DOI: 10.1016/j.avb.2017.09.003.
22. Pavlovic T., Wertag A. Proviolence as a mediator in the relationship between the dark personality traits and support for extremism // Personality and Individual Differences. 2021. Vol. 168. P. 110374. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110374.
23. Coates Jo. Utopia – An obsolete concept // Tech logical Forecasting and Social Change. 2016. Vol. 113. P. 110–111. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.10.057.
24. Кэмпбелл Дж. Герой с тысячей лицами: пер. с англ. Киев: София, 1997. 336 с.

Статья поступила в редакцию 30.11.2020; принята к публикации 29.12.2020

Сведения об авторе

Излученко Татьяна Владимировна, кандидат философских наук, доцент, Сибирский федеральный университет; 660041, Россия, г. Красноярск, пр-т Свободный; e-mail: izluchenko@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5644-301X>.

Библиографическое описание статьи

Излученко Т. В. Роль мифа в экстремизме: социально-философский анализ // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 2. С. 88–96. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-88-96.

References

1. Eremin, S. G., Skorikov, D. G., Trishkina, E. A. Genesis of extremism and forms of manifestation of extremist activity. Jurist-jurist, 2017: 218–222. (In Rus.)
2. Baisaidova, G. S., Alibekova, S. Ya. Religious and political extremism as a form of deviation in the conflict space. KANT, no. 4, pp. 132–135, 2019. (In Rus.)
3. Ganaeva, E. E. Youth extremism as a type of deviation. Young scientist, no. 12, pp. 361–363, 2012. (In Rus.)
4. Kruglanski, A., Fernandez, J., Factor, A., Szumowska, E. Cognitive mechanisms in violent extremism. Cognition, vol. 188, pp. 116–123, 2019. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2018.11.008>. (In Engl.)

5. Andriyanov, V. N. Constitutional and legal bases of counteraction to extremism. All-Russian criminological journal, no. 1, pp. 32–42, 2017. <https://doi.org/10.17150/2500-4255>. (In Rus.)
6. Berger, P., Lukman, T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. M: Medium, 1995. (In Rus.)
7. Gilinskiy, Ya. I. Globalization and deviance. Academic Bulletin, no. 2, pp. 8–13, 2012. (In Rus.)
8. Zabirov, R. V., Ivanchuk, O. V. Phenomenological analysis of the concepts “extremism”, “youth extremism”, “prevention of youth extremism”. Bulletin of modern research, no. 3, pp. 66–70, 2019. (In Rus.)
9. Sergun, E. P. Legal support for countering extremist activities in the Russian Federation. Legal policy and legal life, no. 2, pp. 195–198, 2006. (In Rus.)
10. Beller, Joh., Kroger, C. Religiosity, Religious Fundamentalism, and Perceived Threat as Predictors of Muslim Support for Extremist violence. Psychology of Religion and Spirituality, vol. 4, pp. 345–355, 2018. <https://doi.org/10.1037/rel0000138>. (In Engl.)
11. Mikheeva, S. N., Skipskiy, G. A. The phenomenon of right-wing radical extremism in Europe and the United States and the problems of countering it by state authorities at the present stage. Bulletin of the Ural law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, no. 3, pp. 129–134, 2020. (In Rus.)
12. Komlev, Yu. Yu. Empirical study of deviance. On the way from triangulation of statistical, quantitative and qualitative methods. Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, no. 1, pp. 12–22, 2011. (In Rus.)
13. Yaroshevich, E. A. Deviance and victimhood of the individual in the genesis and development of deviant behavior. Bulletin of Mogilev State University named after A. A. Kuleshov. Ser. D, Economics, sociology, law, no. 2, pp. 53–59, 2016. (In Rus.)
14. Kunst, Jo., Obaidi, M. Understanding violent extremism in the 21st century: the (re)emerging role of relative deprivation. Current Opinion in Psychology, vol. 35, pp. 55–59, 2020. doi: 10.1016/j.copsyc.2020.03.010. (In Engl.)
15. Van Prooijen, J.-W., Kuijper, S. M. H. C. A Comparison of Extreme Religious and Political Ideologies: Similar Worldviews but Different Grievance. Pers. Individ. Differ, vol. 159, art. no. 109888, 2020. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.109888>. (In Engl.)
16. Losev, A. F. Dialectics of myth. M: Mysl, 2002. (In Rus.)
17. Eliade, M. Aspects of myth / translated from Fr. M: Academic project, 2000. (In Rus.)
18. Belov, S. I. Correlation of the concepts “political myth” and “historical myth”. MSU Bulletin. Episode 12. Political science, no. 3, pp. 39–48, 2018. (In Rus.)
19. Veretevskaya, A. V. On the danger of political myth for social development (on the example of the myth of multiculturalism in Europe). Questions of philosophy, no. 5, pp. 52–64, 2018. (In Rus.)
20. Ozer, S. Globalization and radicalization: a cross-national study of local embeddedness and reactions to cultural globalization in regard to violent extremism. International Journal of Intercultural Relations, vol. 76, pp. 26–36, 2020. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2020.02.007>. (In Engl.)
21. Hoffman, A. Understanding conflict and the role of community development: is building a peaceful society within our reach? Aggression and Violent Behavior, vol. 37, pp. 63–70, 2017. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2017.09.003>. (In Engl.)
22. Pavlović, T., Wertag, A. Proviolence as a mediator in the relationship between the dark personality traits and support for extremism. Personality and Individual Differences, vol. 168, p. 110374, 2021. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110374>. (In Engl.)
23. Coates, Jo. Utopia – An obsolete concept. Tech logical Forecasting and Social Change, vol. 113, pp. 110–111, 2016. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.10.057>. (In Engl.)
24. Campbell, J. The Hero with a Thousand Faces / transl. from Eng. K: Sofiya, 1997. (In Rus.)

Received: November 30, 2020; accepted for publication December 29, 2020

Information about author

Izluchenko Tatyana V., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Siberian Federal University; 79 Svobodny pr., Krasnoyarsk, 660041, Russia; e-mail: izluchenko@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5644-301X>.

Reference to the article

Izluchenko T. V. The Role of Myth in Extremism: the Socio-Philosophical Analysis // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 2. PP. 88–96. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-88-96.